

С. М. ЛУКЬЯНОВ

<Из воспоминаний И. И. Лапшина о Вл. Соловьеве>

Первое воспоминание И. И. Лапшина о Соловьеве относится приблизительно к 1876 г. Дальнейшие воспоминания захватывают длительный ряд лет... Соловьев довольно часто навещался к отцу И. И. Лапшина¹ — приезжал раза два в месяц. <...> На И. И. Лапшина, его отца, мать, тетку, няньку Соловьев производил впечатление чего-то совершенно необычного; он покорял и очаровывал старых и малых, образованных и необразованных. Отца, мать — Соловьев поражал исключительностью своих дарований, всех поголовно — жизнерадостностью, небывалой добротой. Появление Соловьева настраивало весь дом на особый симпатический лад. Доброта Соловьева выражалась в задушевности, сердечности обращения, в его страсти делать подарки, радовать, помогать. Малолетнему И. И. Лапшину он всегда привозил что-нибудь в подарок — то книги (между прочим, «Жизнь животных» Брема, сочинения гр. А. К. Толстого в только что вышедшем издании), то почтовые марки для коллекции. — Недавно И. И. Лапшин узнал про такой случай. Книгопродавец Лебедев, имевший свой магазин на Литейном проспекте, слышал от М. М. Стасюлевича, рассказывавшего про это с негодованием, что однажды он уплатил Соловьеву довольно крупную сумму (около 1000 р.) — накопившийся за статьи гонорар — и что, когда тот выходил из редакции с этими деньгами и ему повстречалась нищенка, собиравшая на храм Божий, Соловьев выложил ей всю сумму, которую только что получил. И. И. Лапшин может также засвидетельствовать, что когда ему случалось бывать у Соловьева в Hotel d'Angleterre и тот посылал прислугу за газетой или за чем-нибудь другим, то он никогда не брал сдачу, независимо от ее величины. Одна родственница И. И. Лапшина получила маленькую казенную пенсию и часто нуждалась; помогал ей глав-

ным образом А. Н. Аксаков, но время от времени помогал и Соловьев. Об этом имеется упоминание в письмах Соловьева к Э. Л. Радлову². — Конторка, за которой занимался в детстве И. И. Лапшин, помещалась в зале, а не в детской комнате. Поэтому он часто слышал разговоры гостей. Содержание разговоров Соловьева с отцом И. И. Лапшина было часто недоступно ребенку, но остался в памяти общий тон светлого характера. Ребенок вмешивался в разговор, задавал вопросы по религии, поэзии, а Соловьев давал объяснения. С ребенком он говорил как со взрослым, уважал его достоинство. Беседа принимала иногда неподходящий оборот — вследствие несоизмеримости детского понимания со сложностью темы; отсюда — смех, но отнюдь не злобный. И. И. Лапшин сочинял в девятилетнем возрасте стихи и показывал их Соловьеву. В стихах попадались слова, забавные по двусмысленности для взрослого. Так, например, встретилось однажды слово «вождеделение»; Соловьев хохотал над этим выражением до упаду. Раз Соловьев сказал, что у одного молодого человека фистула «в Пиренеях» (т. е. in perineo); потом пришлось объяснять, в чем дело. Еще маленький скандал. Однажды, по какому-то непонятному вдохновению, мальчик обратился к некоему почтенному господину, который ел тетерку, с довольно дерзкими словами: «Ешьте, ешьте, а потом брюхо-то лопнет». Когда об этом эпизоде сообщили Соловьеву, он рассказал историю про человека, который в присутствии своего сына передавал про другого человека, что у него в голове сено, и какие это имело последствия. Отцу И. И. Лапшина Соловьев привозил шуточные произведения гр. А. К. Толстого, тогда еще малоизвестные. — Музыки Соловьев не любил, музыкальный слух у него был примитивный, к новой русской музыке относился он отрицательно. Еще в начале 70-х годов в Москве ему случилось быть в опере с С. Д. Лапшиной и г-жой Шумахер. Давали «Юдифь»³. Соловьев вышучивал всю оперу. Особенно смешила Юдифь — Мельникова в каком-то невозможном кринолине. Позднее Соловьев несочувственно отзывался о «Борисе Годунове» Мусоргского. Отрицательно относился он и к Ибсену: «Ибсен есть Козьма Прутков, понятый всерьез». — Мать И. И. Лапшина вышла потом замуж за Сергея Ивановича Богданова, мирового судью. Она рассказывала, что Соловьев, недолге после события 1-го марта, приезжал к отцу И. И. Лапшина и высказывался в том смысле, что его карьера разрушена его речью против смертной казни. — Присутствие при беседах взрослых, и в особенности Соловьева, производило большое впечатление и оказывало значительное влияние на И. И. Лапшина. Прием, имеющий свои достоинств-

ва, — не всегда полезно держать детей в детской комнате, вдали от взрослых. — В гимназические и студенческие годы И. И. Лапшин видал Соловьева редко. После смерти отца [т. е. И. О. Лапшина] он бывал в семействе Лапшиных не часто. Чаще сам И. И. Лапшин навещал Соловьева, то в Европейской гостинице, то в Hotel d'Angleterre. В университет И. И. Лапшин поступил в 1879 г. Еще в гимназии, а затем и в университете он увлекался Ренаном, Миллем, Чернышевским, Данилевским, Страховым. Привлекала культурно-историческая идеология — отчасти под влиянием Ламанского⁴, с пасынком которого он был дружен; нравился славянофильский романтизм. В университете сильнейшее увлечение философией — под воздействием Александра Ивановича Введенского⁵. В эту пору некоторое охлаждение к Соловьеву, опасение, как бы не обидеть его, создавало чувство связанности; получилось поэтому и мало пользы от встреч с ним. В начале студенчества зашла однажды речь о Данилевском. И. И. Лапшин был тогда больше на стороне Данилевского, чем на стороне Соловьева. В сущность отношений И. И. Лапшина к религии Соловьев не вмешивался. Впрочем, раз он поставил вопрос: «Верить ли в Бога?..» Вопрос был задан невзначай, «в спину», когда И. И. Лапшин уже уходил. К Соловьеву И. И. Лапшин обращался на «вы». При встречах всегда целовались — даже когда расходились во взглядах. — К А. И. Введенскому Соловьев относился настороже, скорее враждебно; так было, по крайней мере, в 1889 г.; считал его вышедшим «из гнезда Владиславлева»⁶. Это не помешало ему позднее полюбить А. И. Введенского. Около 1894—1895 гг. И. И. Лапшин застал Соловьева читающим магистерскую диссертацию А. И. Введенского. Сближение Соловьева с А. И. Введенским началось после учреждения Философского общества при Петербургском университете. Про магистерскую диссертацию А. И. Введенского Соловьев отзывался хорошо: «Нахожу, что это очень интересная, талантливая книга; но откуда у него берется это “мы”?» Любопытно, что сочинение А. И. Введенского о признаках одушевленности возится с этим вопросом. Соловьев вышучивал эту книгу довольно зло и даже обидно. — Вот еще кое-что из более раннего времени. Свои подарки Соловьев делал иногда без заранее обдуманного намерения. Приходит раз И. И. Лапшин к Соловьеву, еще будучи гимназистом старшего класса. У Соловьева нашлись три иллюстрации к «Фаусту» Гете — Фауст, Маргарита, ночь на Броккене. Подарил две первые иллюстрации, а ночь не подарил: в ней оказалось кое-что неподходящее. Купил он эти иллюстрации, кажется, для себя, а вовсе не для подарка. — Юмористическими вещами Со-

ловьев интересовался постоянно, до самого конца. Между прочим, он охотно конфузил молодых барышень. Любил кормить голубей, прилетавших к окну. Или подходит к окну и несколько раз чихнет. Тут же задает вопрос: «Какое самое жгучее чувство наслаждения?» — и отвечает: «Смотреть на солнце и чихать». Соловьева осаждали всевозможные лица, разные просители — спекулянты; приставали с просьбами редактировать плохие переводы. Был некий еврей Сев⁷; Соловьев называл его «деепричастием» (каламбуря: «сев на стул, Сев» и т. д.). Про этого господина Соловьев выразился так: «Сев придерживается телеологической точки зрения; он думает, что Господь Бог издал Соловьева специально для того, чтобы у него занимать деньги». Приводил Соловьев шуточную речь урядника, его *profession de foi*; заканчивается речь словами: «Боже, царя храни»... — Будучи уже студентом, И. И. Лапшин принес Соловьеву свою статью под заглавием: «Кант и положительная наука», с предложением о помещении ее в «Вестнике Европы». Соловьев вернул потом рукопись, пояснив, что журнал напечатать ее не может. — С годами И. И. Лапшин сблизился с Соловьевым еще более. Отношения Соловьева с А. И. Введенским улучшились, а вместе с тем и И. И. Лапшин освободился как от чувства связанности, так и от некоторых своих крайностей. Соловьев дарил на память отдельные оттиски своих статей, корректуры. Сохранился экземпляр «Оправдания добра» с очень дружеской надписью; книгу эту было зачитали, а затем перепродали, но через несколько лет она снова попала в руки владельца. — В числе лиц, встречавшихся И. И. Лапшину у Соловьева, припоминаются Величко и Протейкинский⁸, состоявшие как бы в его свите. Господа эти производили на И. И. Лапшина несколько странное впечатление. — На одном публичном докладе Соловьева присутствовала среди публики некая дама с дочкой. Шла речь о различных видах любви. Когда Соловьев коснулся «адской любви», дама не выдержала и покинула залу вместе с дочкой. — По ком-то, в присутствии Соловьева, предлагали отслужить панихиду. Соловьев сказал, что служить «панихидку» не стоит, а надо отслужить заупокойную литургию. — Протейкинский успел снять фотографический снимок с Соловьева в躬у, с остриженной головой...

